

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Отв. ред.

В. А. Гуторов, Д. А. Мальцева

Издательство РХГА

Санкт-Петербург

2022

УДК 338.2:658

ББК 65

С56

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований в рамках
научного проекта № 20-011-00393 «Координационные эффекты
стратегического управления политико-административными
процессами в условиях цифровизации»*

Рецензенты:

д-р полит. наук А. А. Ширинянц (Московский гос. ун-т);
д-р полит. наук В. А. Ачкасов (Санкт-Петербургский гос. ун-т)

Авторский коллектив:

А. В. Алейников (глава 5); О. А. Алексеев (глава 3); В. А. Волков (глава 4);
П. Ю. Гурушкин (глава 6); В. А. Гуторов (предисловие, глава 1); В. Н. Дру-
жинина (глава 10); К. Ф. Завершинский (глава 9); А. И. Корюшкин
(глава 7); А. В. Курочкин (глава 1); Д. А. Мальцева (предисловие, глава 5,
глава 12); Н. В. Полякова (глава 11); В. Ю. Пашкус; (глава 8); Я. В. Сама-
рин (глава 2); О. Д. Сафонова (глава 12); И. В. Степакова (глава 10);
П. Р. Тузова (глава 12)

С56 **Современные политические стратегии.** Коллективная моногра-
фия / Отв. ред. В. А. Гуторов, Д. А. Мальцева. — СПб.: Изда-
тельство РХГА, 2022. — 282 с.

ISBN 978-5-907613-15-7

УДК 338.2:658

ББК 65

ISBN 978-5-907613-15-7

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство РХГА, 2022

ГЛАВА 9.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Актуальность обращения к исследованию коммуникативного потенциала *символических стратегий* при описании процесса выработки и реализации политическими акторами долговременных и масштабных сценариев развития политических институтов и организаций очевидна в реалиях растущей фрагментации политического порядка и возрастания амбивалентности, непредсказуемости влияния многообразных культурных, символических ресурсов на динамику национальных политических систем и их объединений. Современные коммуникации, как полагает итальянская исследовательница К. Боттичи, достигли критического порога в своих количественных и качественных изменениях при продуцировании «политического воображаемого», которое не только опосредует политическую деятельность, но и претендует на то, чтобы «заниматься политикой вместо нас» [Bottici 2014: 178]. Символические стратегии «принуждения к действию», семантическим ядром которых является *соотнесение реальных фактов и событий с системами символов*,

порождают сакральные объекты и коллективные травматические ожидания, которые начинают жить своей собственной жизнью, формируя и массово вовлекая в политический процесс [Alexander 2006: 29–89; 2012: P. 25–39].

Подобные стратегии все чаще реализуются не только такими традиционными политическими субъектами информационной активности, как политические партии или государственные организации, а многообразными мнемоническими акторами, использующими коммуникативные ресурсы сетевого взаимодействия. Возникновение сетевых политических виртуальных сообществ радикально расширяет круг участников производства политических сценариев и моделей поведения, интенсивно вовлекая и мобилизуя ранее аполитичные социальные страты в политический процесс. Это усиливает процессы индивидуализации политических коммуникаций и тотального тиражирования нередко поверхностных, профанных и «безумных», катастрофических политических сценариев достижения целей [Stiegler 2019].

Подобные процессы ведут к асинхронности («разновременности») различий в восприятии социального времени у участников коммуникаций и конфликтам по поводу значимости для них тех или иных социальных событий и способов реализации коллективно значимых решений. Возникающий при этом «конфликт памяти» десинхронизирует структуры политической памяти сообществ и порождает «симулякры» стратегических сценариев. Этот процесс стимулирует культивирование консьюмеристских, частных, конфликтующих между собой стратегий выживания, разрушая горизонт достижения коллективно-значимых целей как в отдельных коммуникативных сферах, так и во всем обществе. Асинхронизация коллективных ожиданий, сопровождаемых вспышками насильственных анархических протестов и дезорганизаций социальных институтов, ведет к утрате способности к мобилизации общества перед лицом внутренних и внешнеполитических кризисов.

Рассматривая этот феномен на примере межпоколенческих коммуникаций, Б. Гизен отмечал, что социологический взгляд на коммуникативную динамику социальной жизни, в особенности на современную, должен быть существенно скорректирован в контексте модели «асинхронности» («разновременности») [Giesen 2004: 27–40]. Эта парадигма, по его мнению, способна преодолеть инерцию модернистской модели, в основе которой лежат функционалистские и прогрессистские сценарии, которые рассматривают общество как систему взаимосвязанных подсистем, которые в идеале должны быть плотно соединены друг с другом (обмениваться информацией точно и вовремя) и последовательно преодолевать несовершенство прошлого и сбой в координации систем. Обращение к проблематике исследований символических стратегий как значимому измерению символической политики, связанной с асинхронией современных коммуникаций и проблемами темпорального структурирования коллективных представлений, на наш взгляд, позволяет более комплексно анализировать качественные изменения в способах стратегического позиционирования современных политических акторов.

Существуют многообразные, нередко оспариваемые варианты методологических подходов и терминов, используемые при описании социокультурной динамики политических коммуникаций и их стратегических измерений. В своей основе настоящее исследование понятийно строится вокруг таких базовых понятий, как *символическая политика*, *политика памяти* и *стратегический нарратив*, лежащих, на наш взгляд, в основании теоретического моделирования процесса асинхронизации/синхронизации коллективных ожиданий в современных политических коммуникациях. Автор не ставит перед собой задачу прикладного анализа специфики весьма вариативных способов реализации символических стратегий, а артикулирует теоретико-методологические приоритеты при

анализе символических стратегий в современных политических коммуникациях с акцентом на специфике социального конструирования стратегических нарративов как базового компонента синхронизации политических ожиданий. Поэтому представленный текст ориентирован ответить на два основных вопроса. На какие теоретико-методологические послышки ориентируются современные исследования символических стратегий в политической коммуникации и какие, в связи с этим, существуют теоретические проблемы и перспективы их преодоления? Какую роль в реализации *символических стратегий* играют *стратегические нарративы* и как они влияют на политико-культурную динамику политического позиционирования?

Теоретико-методологические основания исследования символических стратегий

При первом приближении наиболее валидной теоретической основой исследования символических стратегий политического позиционирования являются концепции *стратегической коммуникации* и *стратегической культуры*, поскольку символические проекции политики так или иначе связаны с социокультурными измерениями политических коммуникаций. В российских и зарубежных исследованиях, при всей вариативности прикладных трактовок, доминирует понимание стратегии как деятельности социальных субъектов и их организаций (стратегическим лидерством) по разработке и реализации программы долгосрочного планирования с целью достижения сложных целей в условиях конкурентности и ограниченности ресурсов. Понятие же *стратегические коммуникации* выступает своего рода «зонтичным термином» для описания многообразных форм *информационного обмена*, возникающего в процессе подобного целедостижения. В этом контексте социально-политическая коммуникация стано-

вится стратегической тогда, когда она связана с властными отношениями между организациями и окружающей средой [Богданов 2017: 132–152; Гавра 2020: 229–233; *New Leadership in Strategy... 2020*]. Подобная коммуникация посредством многообразных информационных ресурсов и средств связана с достижением долгосрочных (стратегических) политических целей для обеспечения долговременных преимуществ в конкурентной борьбе и может осуществляться на различных уровнях пространственных взаимодействий как внутри общества, так и в процессе внешнеполитического позиционирования политических систем и организаций.

Эффективность же подобного рода стратегий, как полагают исследователи, зависит от качества *стратегической культуры*. Так в работе российских авторов, в процессе критического обобщения теоретических подходов зарубежных и отечественных исследований, специфика *стратегической культуры* определяется как значимый для участников политических коммуникаций комплекс «фундаментальных и устойчивых предположений» о способах преодоления «расхождений, трений, напряженностей» в социальных отношениях и «способностей» социально-политических субъектов к «раннему и артикулированному восприятию конфликтных проявлений». Эффективность культурных стратегий в данном контексте связывается с обоснованием оптимальных конкурентных политических решений в условиях комплексных рисков и культивированием у участников политического процесса ожиданий стабильности и безопасности [Алейников, Мальцева 2019: 636].

На подобные аспекты обращает внимание и С. Г. Колин, отметившей в работе «Стратегия и политика», что функциональный анализ политических стратегий без проективного «ценностно-инклюзивного» измерения политики делает эту концепцию односторонней и неполной [Colin 2026: 10–11]. Канадская исследовательница специфики стратегических

коммуникаций в современной политике К. Кирстен, разрабатывая «критический коммуникативный подход», подчеркивает необходимость комплексного (контекстуально-исторического) анализа этого феномена, который не может сводиться к прагматике политического маркетинга, пиару или практики использования информационных ресурсов государства для создания краткосрочного позитивного имиджа власти. Стратегические коммуникации выступают символической борьбой многообразных акторов за влияние и контроль над политическими событиями и смену идеологического режима [Kirsten 2015: 396–408].

Не подвергая сомнению научную значимость и перспективность исследования подобного рода, позитивистских в своих основаниях, следует заметить, что подобная научная опция остается в рамках ценностно-нормативных моделей коммуникации, где ее символические аспекты носят характер производных от институциональных и организационных параметров коммуникации, связанных с продуцированием и сообщением информации. Вопросы возникновения/разрушения «коммуникативного понимания» и связанные с этим проблемы «работы» символических структур, темпоральные измерения этого процесса и их символическая репрезентация носят вторичный характер. В то время как представление о политическом времени является реальным «ресурсом» политики, влияющим на направленность политических решений и практик использования символического капитала. Феномен автономности и действенности символического позиционирования, столь характерного для современных коммуникаций, связанный с социальным конструированием смысловых образцов политических ожиданий и от чего собственно зависит эффективность символических стратегий, также нередко остается на периферии исследований.

Следует признать, что дополнительный теоретико-методологический импульс изучению культурных стратегий и их

роли в оформлении стратегий символической власти придали конструктивистские исследования международной безопасности и концепция культурного и символического капитала. Так британский исследователь М. С. Уильямс, отталкиваясь от идей П. Бурдьё, определяет культурную стратегию как «способ мышления о культуре» и форму власти, не сводимую к «мягкой силе» и манипулятивным символическим практикам элит или политических лидеров. Он предлагает рассматривать процесс социального конструирования политических стратегий и их специфику производной от структур политической игры, форм символического капитала и дискурсов повседневности. Анализ динамичных, исторически вариативных комплексов подобных символических конфигураций, их конкуренции, на его взгляд, позволяет ответить на вопрос успешности или неуспешности политических стратегий политического позиционирования для обеспечения безопасности обществ в конкретных исторических ситуациях [Williams 2007: 36, 123, 124]. На значимость культурной политики и символических измерений, не сводимых к строительству рациональных институтов и прагматическим стратегиям, акцентируют исследователи европейской интеграции как культурного, «воображаемого» и символического проекта с «плотным символическим сопровождением» посредством культивирования перформативных идеалистических дискурсов, политики идентичности и конструирования символических границ [Krumrey 2018: 208; Shore 2000: 62–64].

В связи с обозначенными выше теоретико-методологическими проблемами исследований стратегических коммуникаций и символических стратегий в политике, актуализируются теоретические посылки современной культурсоциологии. Ее парадигмы непосредственно нацеливают на исследование динамики символических структур внутривнутриполитического и внешнеполитического позиционирования в связи с процессом символического структурирования политических ожиданий

акторов в политической памяти сообществ. Мы полагаем, что обращение к понятию политическая память позволяет более комплексно анализировать процесс политической символизации, в отличие от традиционных интерпретаций политической культуры как комплекса ценностно-нормативных ориентаций, культивируемых в процессе политической коммуникации¹. *Политическая культура*, интерпретируемая как *политическая память*, предстает семантическим программированием политического опыта и взаимосвязанным комплексом взаимных ожиданий, способов и схем включения индивидов в политические сообщества (или их исключения из таких сообществ) посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени. При этом под «ожиданиями» понимаются не субъективные мотивации политических действий, а структура (конфигурация событий), «солидарность ожиданий», обеспечивающая «вероятность того, что нужного рода действие будет действительно совершено» [Филипнов 2015: 212].

Ведущим коммуникативным функционалом политической памяти являются легитимация и делегитимация практик власти в процессе оформления или разрушения политических коммуникаций. Знания в символических горизонтах политической памяти общества, структурированные в политические ожидания, выступают порождающими моделями событий политической солидарности, обеспечивающими синхронизацию/десинхронизацию как личностной, коллек-

---

¹ Более подробно о специфике и возможностях культуросоциологической эпистемологии исследования динамики политической памяти, специфике ее символических структур, кодов, профилей легитимации, символических кодах представлено, в частности, в следующих работах автора: Завершинский К. Ф. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 1. С. 88–107; Завершинский К. Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 2. С. 77–96.

тивной, так и национальной политической памяти. В основе семантических рядов национальной политической памяти находятся политические события, символизирующие практики контроля принуждения в процессе принятия «общеобязывающих» решений, как рациональные и идеологические символические схемы обоснования прошлого и будущего, так и символы телесно-чувственного восприятия героического и жертвенного. Подобные теоретические послышки особенно важно учитывать при реализации политики памяти, коммуникативного «связывания» национального пространства на основе символических кодов гражданственности для преодоления умножающихся в реалиях современных политических коммуникаций различий в понимании и репрезентации значимого прошлого, настоящего и будущего.

Важной предметной областью исследования «стратегической работы» национальной памяти по продуцированию и разрушению национальной идентичности становится изучение специфики ее «символических фигураций», отражающих меняющиеся отношения между прошлым и настоящим. Эти отношения обусловлены взаимосвязью конфликтной борьбы «памятей», конкуренции жанров и профилей легитимации [Olick 2016: 36–76]. Все эти символические элементы так или иначе определяют направленность коммуникативных стратегий в конкретных сообществах, могут стимулировать появление перспективных стратегических сценариев или ввергнуть общество в коммуникативный коллапс и гражданские войны.

Место и роль стратегических нарративов в символическом структурировании национальной памяти

Анализ политических нарративов и их репрезентаций как базовых символических структур национальной памяти выступает ведущим звеном при описании специфики динамики

политических коммуникаций и мнемонической активности акторов по конструированию стратегических сценариев их эволюции. В этом процессе стратегические нарративы, исследователи из смежных предметных отраслей исследования могут использовать понятия «меганарратива», «большого нарратива», выступают своего рода базовым инструментом символической синхронизации/асинхронизации частных политических дискурсов, интегрируя их содержание в более устойчивые дискурсивные образования. Подобный процесс политической наррации обеспечивает смысловую институционализацию политического пространства, снижая или повышая потенциал конфликтности политических дискурсов, возникающих в процессе политических коммуникаций, связанных с процессом борьбы политических акторов за политическое доминирование.

Принципиальными в связи с этим видятся теоретические послышки исследователей, работающих в русле культурсоциологического анализа, позволяющие конкретизировать стратегию репрезентации символических структур политических нарративов и их специфику в том или ином обществе. Нарративы выступают как символические практики обоснования политических событий в национальной памяти с целью поддержания социального равновесия [Patterson 1998: 315—331], являясь неотъемлемым компонентом социального конструирования политических сообществ, создавая символические структуры для конвенциональной интерпретации национальной памяти противостоя радикальным интерпретациям частных дискурсов. Авторитетный исследователь политико-культурных процессов Г. Гилл отмечал, что стратегические нарративы (метанарративы) нормализуют и стабилизируют значения одних понятий, в то же время изолируя и исключая другие [Gill 2011: 3—6, 20]. Он видит решение проблемы комплексного анализа специфики реализации символической политики на различных уровнях политического дискурса («идеология»,

«метанарратив», «миф») в исследовании политической эволюции «метанарратива» как методологического «ключа» к пониманию генезиса и развития символической политики «в настоящем» и ее «траектории в будущем». Прделанный им анализ символического содержания политического метанарратива («язык», «визуальное искусство», «символическая оформленность повседневной жизни», «ритуалы») как упрощенного символического основания идеологического дискурса и символического конструирования политического мифа в индустриальных обществах позволяет выявить роль символической политики в интеграции и синхронизации политических взаимодействий, меняя политическое пространство и время.

Нарративы влияют на представления участников политических коммуникаций о политической реальности и особенности ее знаково-символической репрезентации, которые, в свою очередь, воздействуют на появление и структурирование политических ожиданий и социокультурную динамику событийной структуры национальной идентичности. Политические нарративы возникают в процессе семантического снятия дихотомии символического бинарного кодирования, лежащего в основании политической динамики, привнося упорядоченность в трактовку временного и пространственного дизайна событийной структуры национальной памяти. Бинарное кодирование обеспечивает символическую классификацию мира, упорядочивая символические рамки временного и пространственного дизайна коллективно значимых политических событий [Alexander 2006].

Нарративы, в отличие от двоичных кодов, привносят упорядоченность в последовательность событий, а не акцентируют на различиях, позволяя ответить на вопросы «кто мы» и «откуда», согласовывая коллективные действия с «конечными» вопросами и мифопредставлениями на уровне повседневности. Подобную бинарность и возникающее в связи с этим ее

нарративное снятие можно интерпретировать посредством трех дискурсивных измерений: связанных со спецификой *ролевой структуры, социальных связей и институционального дизайна*. Нарративы, как дискурсивные практики обоснования событий в виде логической последовательности, имеют сюжетную структуру (начало, развитие и финальное разрешение) [Smith 2005: 14–24]. Стратегический нарратив реализуется не только посредством целерациональных или ценностно-рациональных дискурсов, а выступает способом реализации мифических репрезентаций в коллективных представлениях. Можно согласиться с О. Шмиттом, что символический потенциал стратегических национальных нарративов во внешнеполитических коммуникациях зависит от степени совместимости его символического содержания с семантикой мифоконструкций других политических сообществ, соотношения в его символических фигурах «универсального» и «локального» контента мифического [Schmitt 2018: 487–511].

Принципиальным при исследовании становления стратегических нарративов, на наш взгляд, является реконструкция профилей легитимации национальной памяти. Это предполагает исследование конфликтной динамики символических контуров национальной памяти, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и умножения конфликтов частных политических дискурсов [Olick 2016]. От политико-культурной динамики символических «фигураций» и репрезентаций этих компонентов зависят изменения в восприятии событий как триумфальных или травматических, что ведет к изменениям в нарративной структуре политических событий и национальной идентичности. Влияет на характер струк-

турирования политических нарративов, как уже отмечалось, и жанровая специфика политической наррации, связанная с конкретными особенностями и интенсивностью символической поляризации на героев и злодеев. При этом Ф. Смит в упомянутом выше исследовании выделяет три основных жанра больших политических нарративов: со слабым потенциалом меморизации, с более сильным — жанр трагизации/романтизации и апокалиптический, как наиболее действенный из всех нарративных жанров.

Таким образом на теоретико-методологической основе культур-социологических концепций политической культуры и символических практик политического позиционирования символические стратегии можно интерпретировать как способ синхронизации символических структур политической памяти, содействующий развитию/блокированию политических ожиданий и оформлению качественно новых стратегий политического позиционирования. Исследование процессов становления стратегических нарративов с учетом особенностей символических репрезентаций профилей легитимации национальной памяти позволяет выявить ее стратегический потенциал и значимость тех или иных политических сценариев политического позиционирования.

В заключении уместно вспомнить теоретически насыщенные ремарки Лоуренса Фридмана о стратегии и стратегических нарративах [Freedman 2013: xvi, 621, 622]. Стратегия — это «всегда больше чем план», а способность действовать в условиях драматической непредсказуемости, когда конфликт конкурирующих сторон становится неизбежным. Стратегические нарративы тесно связаны с динамикой и спецификой коллективных представлений, характерных для тех или иных сообществ и возникают для прогнозирования будущего из настоящего, даже тогда, когда обосновываются прошлыми политическими событиями. Цель стратегического нарратива, полагал Л. Фридман, не только в том, чтобы

предсказать события, но и в том, чтобы убедить других действовать таким образом, чтобы они следовали предлагаемому курсу и участвовали в изменении реальности, которые могут быть весьма драматичными.

Литература

1. Алейников А. В., Мальцева Д. А. Стратегическая культура в обществе риска: концептуальные основания анализа // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 4. С. 634–647.
2. Завершинский К. Ф. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 1. С. 88–107.
3. Завершинский К. Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 2. С. 77–96.
4. Богданов С. В. Стратегические коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 61. Апрель 2017. С. 132–152. (<http://e-journal.spa.msu.ru>)
5. Гавра Д. П. Категория стратегической коммуникации: современное состояние и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3 (4). С. 229–233.
6. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Т. 2 / Под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 207–230.
7. Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / Eds. J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.
8. Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Malden: Polity Press, 2012. 226 p.
9. Bottici C. Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary. New York: Columbia University Press, 2014. 258 p.
10. Colin S. Strategy and politics. New York, NY: Routledge, 2016. 178 p.

11. Freedman L. *Strategy: A History*. Oxford: Oxford University Press. New York, NY: Oxford University Press, 2013. xvi 751.
12. Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories. In: *Time & Society*. 2004, vol. 13, no. 1, pp. 27–40.
13. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge univ. press. 2011. vi, 356 p.
14. Kirsten K. *Communicating Strategically in Government // The Routledge handbook of strategic communication/edited by Derina Holtzhausen, Ansgar Zerfass*. NY, L.: Routledge, 2015. P. 396–408.
15. Krumrey J. *The Symbolic Politics of European Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. 250 p.
16. *New Leadership in Strategy and Communication. Perspective on Innovation, Leadership, and System Design / Editors Nicole Pfeffermann*. Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. xvii + 431.
17. Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2016. 517 p.
18. Patterson M., Monroe K. R. *Narrative in Political Science // Annual Review of Political Science*. 1998. 1(1). P. 315–331.
19. Schmitt O. *When are strategic narratives effective? The shaping of political discourse through the interaction between political myths and strategic narratives // Contemporary security policy*. 2018. Vol. 39 (4). P. 487–511.
20. Shore C. *Building Europe: the cultural politics of European integration*. L., NY: Routledge, 2000. 258 p.
21. Stiegler, B. *The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism / B. Stiegler*. Cambridge: Polity Press, 2019.
22. Williams M. C. *Culture and security: symbolic power and the politics of international security/ London: Routledge*, 2007. 172 p.
23. Schmitt O. *When are strategic narratives effective? The shaping of political discourse through the interaction between political myths and strategic narratives // Contemporary security policy*, 2018. 39 (4). P. 487–511.
24. Smith P. *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago, London: The University of Chicago Press. 2005. x + 254 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Большая стратегия: актуальные проблемы политической аналитики.....	21
Глава 2. Формирование внешнеполитических стратегий США в конце XIX — начале XX в.	33
Глава 3. Киберконфликты и информационные войны в современных внешнеполитических стратегиях.....	49
Глава 4. Экополитические стратегии в дискурсивном измерении: теория и практика.....	85
Глава 5. Рефлексивные стратегии управления «vуса-рисками»: политическое измерение	117
Глава 6. Стратегии коммуникационного менеджмента.....	133
Глава 7. «Форсайт участия» как стратегическая политико- коммуникативная технология исследования и формирования будущего	149
Глава 8. Стратегия прорывного позиционирования и ее применение при продвижении брендов территорий. .	164

Глава 9. Символические стратегии политического позиционирования	189
Глава 10. Государство и религиозные организации: стратегии взаимодействия	204
Глава 11. Модель «больших вызовов» как основа биомедицинского стратегирования в политике современного государства	241
Глава 12. Стратегии и технологии информационного риск-менеджмента: вызовы цифровизации и медиатизации	258